

16 мая

Ольга Фёдоровна Берггольц

(1910 –1975)

110 лет со дня рождения поэтессы

«В годы блокады поэтесса стала для ленинградцев одним из тех столпов, на которых держалась жизнь. Работа в радиокомитете, блокадные и военные стихи, ежедневные выступления по радио, дневники блокадного времени — всё, за что мы помним и любим Берггольц — потребовали от неё огромных душевных сил и моральных вложений».

Елена Кобзева

«Ольга Берггольц была человеком в высшей степени талантливый, но до конца, по разным причинам, не раскрывшимся. Писать с полной откровенностью ей мешал страх — хотя человеком она была чрезвычайно мужественным. Она прошла через чудовищные испытания».

Яков Гордин

«Не многие люди так возвышаются. На свой лад она, конечно, святая. Светская святая, если можно сказать. Подвижница, человек, совершивший духовный подвиг. ...Раньше люди были гораздо интереснее. Им часто выпадали жуткие судьбы и страшные испытания, но они были лучше. Добрей, отзывчивей, талантливей. Когда читаешь об этой жизни, она кажется невероятной. Примеряешь на себя, думаешь — а что бы ты сделал? Ты в тюрьме, тебя, беременную, бьют ногами — это же всё не так легко представить...»

Татьяна Москвина.

«Для Ахматовой она была простушкой... Ахматову окружали гораздо более сильные [авторы]. Но Анну Андреевну привлекали в ней необычайная молодая витальность и смелость. Берггольц была очень смелая девушка».

Лев Лурье

«Поэт не является ангелом. Так что грешная, способная, смелая ленинградская девушка Ольга Берггольц потому и ценима народом, что она, как Есенин, Высоцкий, Довлатов, не является портретом с доски почета».

Лев Лурье

«Ольга Берггольц превратилась в живой символ Ленинграда, и ее слава не была связана ни с премиями, ни с орденами, ни с тиражами. Всю блокаду в насквозь промерзшем, умирающем от истощения, заваленном трупами городе раздавался ее голос. Висящие на улицах черные тарелки репродукторов не выключались никогда, и ее стихи звучали, когда обессиленные люди спускались к замерзшей Неве за водой, во время артобстрелов, в самые тяжелые блокадные дни, когда дневную хлебную пайку иждивенцев урезали до 125 грамм. Ее голос был с Ленинградом всю войну, и она стала олицетворением стойкости и побед».

Алексей Филиппов

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ:

*Нет, не должен
человек бояться
никакой своей
мысли. Только тут
абсолютная свобода.
Если же и там ее
нет - значит, ничего
нет.*

*Друг мой, ты
спросишь — как же я
выжила, Как не
лишилась ума, души?
Голос твой милый
все время слышала,
Его ничто не могло
заглушить.*

*Он не шептал утешений
без устали, слов мне
возвышенных не говорил.
Только одно мое имя
русское, имя простое мое
твердил. ...И знала я, что
еще жива я, что много
жизни еще впереди, пока
твой голос, моля, взывая,
имя простое мое твердит.*

*Я уверена, что если не у
каждого, то у большинства
писателей есть Главная
книга, которая всегда
впереди. Самая любимая его,
самая заветная, зовущая к
себе неодолимо. Быть
может, иногда, в
одиночестве, писатель
трепещет от восторга
перед ее видением, пока
никому не доступным,
кроме него самого.*

*Забвение истории своей
Родины, страданий своей
Родины, своих лучших
болей и радостей, -
связанных с ней
испытаний души -
тягчайший грех. Недаром
в древности говорили: -
Если забуду тебя,
Иерусалиме...*

*Что может враг? Разрушить и
убить. И только-то? А я могу
любить...*

*Будет страшный миг будет
тишина, Шепот, а не крик:
"Кончилась война..." Темно-
красных рек Ропот в
тишине. И ряды калек В
розовой волне....*

*Молитва - серебряное ведёрко,
которое опускает человек в свою
глубину, чтобы почерпнуть в себе
силы, в себе самом, которого он
полагает как Бога. Он думает, что
это он Богу молится, - нет, он
взывает к собственным силам. И я
молилась. Все глубже и глубже
опускалось серебряное ведро...*